

Дневник Бориса Балдина

Недавно мы снова встретились с Михаилом Ильичом Роммом.

В день его 80-летия в Центральном доме кино была развернута большая фотовыставка. Потом еще раз мы увидели эту выставку на «Мосфильме».

И словно не было десяти лет без Ромма. И словно мы опять рядом с ним в монтажной. Он пристально вглядывается в изображение на маленьком экране и таким запомнившимся, роммовским жестом просит остановить кадр.

Вот в тонателле Ромм комментирует свой фильм «Обыкновенный фашизм». В объединении — в кругу друзей и учеников внимательно слушает, сам рассказывает, убеждает кого-то. А тут — залиvisto хохочет, и так же хохочут все, кто его окружает.

По природе своей фотография, наверно, должна молчать. Подобно кинематографу начала века она — немая. Но вот, поди ж ты! — мы смотрим на эти фотографии и будто бы снова слышим роммовский удивительный голос.

...Когда начиналась работа над фильмом «Обыкновенный фашизм», в монтажную к Миха-

илу Ильичу пришел молодой человек с фотоаппаратом. Был он застенчив, погружен в себя, молчалив.

На Михаила Ильича и на все, что происходит в группе, он глядел с некоторой растерянностью и удивлением. Должно быть, прежде всего его удивлял сам Ромм своей необыкновенной простотой в обращении, своей никакой непохожестью на стандарт знаменитости.

К тому же фотограф «Мосфильма» привык к определенному характеру работы, к съемкам кадров и рабочих моментов для будущей рекламы. А тут все совсем другое: бесконечное репродуцирование старых фотографий и кинокадров с бесноватыми гитлерами, геббельсами, герингами и прочей фашистской сволочью; многократная перепечатка фотодокументов, на которых запечатлены нацистские преступления, преступники и их жертвы.

Наверное, не сразу он осознал ответственность и необходимость этой работы. На следующий день он появился в группе без фотоаппарата (снимать-то здесь нечего!), получил новое задание и ушел. Потом стал приходиться часто: получал зада-

ния и приносил готовые фотографии. И почти всегда предлагал Михаилу Ильичу несколько вариантов. Документ оставался документом, но укрупнение нередко подчеркивало важную деталь, повышало силу воздействия.

Так начал работать в группе Ромма фотограф Борис Балдин.

Однажды он снова пришел с фотоаппаратом. Уселся где-то в уголке, изредка переходил с места на место и, нацелив камеру на Ромма, снимал. Михаил Ильич, увлеченный работой, подчас и не видел, что его снимают. Да и все мы настолько привыкли к молчаливому Балдину, что уже никакого внимания не обращали на его работу.

А он все снимал, снимал...

В роммовские картины «Обыкновенный фашизм», «И все-таки я верю!», «Первые страницы» вошли сотни кадров, над которыми работал Борис Балдин. Это и репродукции, и его хроникальные фотосъемки. Это и множество фотографий Ромма. Поразительно многообразного, деятельного, живого!

Тем, кто работал с Роммом, посчастливилось: много лет мы были рядом с ним, вместе с ним. И никто из нас не подумал, что на протяжении всей этой бесконечной вереницы дней и событий надо было (неприменно надо!) вести дневник. А Балдин вел свой, особенный — фотодневник. И делал это профессионально, талантливо.

Для тех, кто знал Михаила Ильича, и для очень многих, кто никогда не был с ним знаком, феномен Ромма открывается в его фильмах, в работах его учеников, в его большом литературном наследии. И в прекрасной фотографической сюите Бориса Балдина. Потому что и это — живой Ромм.

И. ЦИЗИН.

На снимке: М. Ромм, А. Мачерет, Л. Шепитько, А. Смирнов.

Фото Б. Балдина.

